

СОДЕРЖАНИЕ

КРИЗИС НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА

I. Вопросы	9
II. Финансовая социология	12
III. Кризис доменного хозяйства на исходе Средневековья	16
IV. Сущность и границы налогового государства	35
V. Должно ли оно рухнуть?	52

СОЦИОЛОГИЯ ИМПЕРИАЛИЗМОВ

I. Проблема	83
II. Империализм как фраза	89
III. Империализм как практика	110
IV. Империализм в абсолютистском монархическом государстве Нового времени	149
V. Империализм и капитализм	162

КРИЗИС НАЛОГОВОГО ГОСУДАРСТВА

Перевод издания: *Schumpeter J.A. Die Krise des Steuerstaates // Zeitfragen aus dem Gebiet der Soziologie. 4. Heft. 1918. S. 1–71.*

I. Вопросы

В определенных кругах стало аксиомой утверждение, что проблемы государственных финансов, оставленные нам войной, не могут быть решены в рамках того устройства экономики, которое господствовало до войны. Это экономическое устройство представляло собой смесь весьма противоречивых и разнородных элементов, каковую, лишь прибегнув к достаточно смелой абстракции, можно назвать экономикой свободной конкуренции. При этом она всем тем, что могла предъявить в качестве «прогресса» и успеха, была обязана свободе конкуренции, сохранявшейся в ней, несмотря ни на что, — в том числе вопреки тем попыткам установления государственного контроля, которые, как известно, были лишь усилены войной, но вовсе не были ею порождены как таковые. Обречено ли это экономическое устройство пасть под бременем военных тягот или оно должно быть преобразовано государством таким образом, чтобы затем появилось нечто новое? Как правило, ответ на этот вопрос отнюдь не основывается на беспристрастном анализе. Как и во всем остальном, здесь каждый стремится к тому, чтобы то, чего он всегда желал, было реализовано как необходимое следствие войны: один ждет краха «зрелого капитализма», кульминацией которого явилась война; другой —

более полной, нежели прежде, экономической свободы; третий — смоделированной нашими «интеллектуалами» «административной экономики». Это должно произойти, поскольку государство — как с удовлетворением говорит буржуа — или свободная экономика — как с воодушевлением утверждает интеллектуал — оказались несостоятельными. Ни один из них — но ближе к этому все-таки социалист — не пытается обосновать это суждение таким способом, который имел бы хотя бы некоторое сходство с привычной практикой экономического мышления. Весьма прискорбная, как и почти все в проявлениях культуры или бескультурья нашего времени, эта дискуссия доказывает, что по крайней мере для лозунгов закон свободной конкуренции все еще актуален: побеждает самый дешевый. Ни в какой другой области знания подобное не было бы возможно. Лишь в экономических вопросах каждый считает себя компетентным специалистом и полагает, что он вправе, простодушно разделяя вековые заблуждения, не-принужденно объявлять свои в высшей степени личные — экономические или идейные — интересы апогеем всякой мудрости. Однако здесь эта тема затрагивается лишь в самых общих чертах. Тот, кто желает обратиться к ее исчерпывающему обсуждению, может отложить этот номер в сторону. Ведь нас интересует не она, а кое-что другое.

Если приведенное нами в начале наших рассуждений утверждение истинно, то мы находимся в преддверии кризиса гораздо более значительного, чем тот, на который указывает вынесенная в заголовок фраза. С одной стороны, отказ от налогового государства и переход к какой-то другой форме покрытия совокупных потребностей не просто означал бы, что место довоенной финансовой системы займет какая-то другая финансовая система. Скорее, изменило бы свою сущность и то, что мы называем современным государством; приводимая в движение новыми моторами, экономика должна была бы направить-

ся какими-то новыми маршрутами; социальная структура не могла бы оставаться прежней; жизненные чувства и культурные смыслы, психический габитус индивидов — все это должно было бы измениться. С другой стороны, достаточно очевидно, что продолжительная несостоятельность налогового государства не могла бы быть случайным следствием какого-нибудь одного, пусть и чрезвычайно значительного повреждения, как если бы, например, в остальном полностью жизнеспособное налоговое государство внезапно стало бы невозможным в результате мировой войны и ее последствий. Простейшее рассуждение показывает, что война разве что продемонстрировала намного более фундаментальную недостаточность общественной формы, финансовым выражением которой является налоговое государство, что она самое большое могла стать лишь поводом для проявления дефектов несущих конструкций нашего общества и только приблизила крах, неизбежный по более глубинным причинам. Здесь финансовая ситуация открывает перед нами важную в социологическом отношении перспективу, которая нас, собственно, и интересует. Что означает «несостоятельность налогового государства»? Что вообще составляет его сущность? Как оно возникло? Каковы социальные процессы, лежащие в основании поверхностных фактов, выражаемых бюджетными цифрами?

II. Финансовая социология

Н ЕПРЕХОДЯЩАЯ заслуга Гольдшейда¹ состоит в том, что он первым обратил должное внимание на этот подход к финансовой истории, открыв широкой публике ту истину, что бюджет представляет собой «очищенный от всех вводящих в заблуждение идеологий скелет государства» — смесь суровых, голых фактов, которые только и должны иметь значение в области социологии. Прежде всего, финансовая история каждого народа составляет существенную часть его истории вообще: огромное влияние на судьбу народов оказывает экономическое кровопускание, вызываемое потребностями государства, и то, каким образом используется результат этого кровопускания. Непосредственное влияние финансовых потребностей и финансовой политики государств на развитие национальной экономики, а тем самым и на все жизненные формы и культурные смыслы в некоторые исторические периоды объясняет практически все основные характеристики сложившейся ситуации, в большинстве периодов — очень многие из них и лишь в немногие — ничего. Наш индустриальный организм, каков он есть, нельзя понять, если не принимать во внимание это обстоятельство. А наши люди под финансовым давлением государства стали такими, какими они по сути явля-

ются. Вплоть до начала нашего столетия экономическая политика государств руководствовалась в первую очередь финансовыми мотивами — например, только финансовые мотивы определяли экономическую политику Карла V; в Англии к началу XVI века они привели к господству иностранных купцов, пользовавшихся государственными привилегиями; во Франции времен Кольбера — к попытке подчинить всю страну корпоративному регламенту, а в Пруссии при Великом курфюрсте — к переселению французских ремесленников. И все это породило формы хозяйствования, человеческие типы и промышленные локации, которые без этого не появились бы, и все это сказывается и по сей день — но не только: финансовые мероприятия государств, даже если это было непреднамеренно, создавали и уничтожали индустриальные отрасли, индустриальные формы и индустриальные районы, тем самым способствуя построению (и *перекосам*) структуры современной экономики, а в силу этого и созиданию духа современности². Однако намного более важным, чем *каузальное*, является *симптоматическое* значение финансовой истории. Каким духом вскормлен тот или иной народ, на какой ступени культуры он находится, как выглядит его социальная структура, к каким последствиям для предприятий может привести его политика³ — нисколько не преувеличивая, можно сказать, что в ней мы найдем все это и еще многое другое. Тот, кто способен расслышать ее послание, отчетливее, чем где-нибудь еще, услышит в нем гром всемирной истории.

Важнее всего то, что процессы, о которых повествует финансовая история, позволяют нам выявить как законы социального бытия и социального генезиса и движущие факторы народных судеб, так и способы возникновения и исчезновения *конкретных* ситуаций, прежде всего организационных форм. Финансы являются одним из наиболее оптимальных исходных пунктов для исследования

социального механизма, и особенно, но не только, механизма политического. Именно в тех поворотных пунктах или, точнее, в те поворотные эпохи, в которые существующее начинает отмирать и переходить в нечто новое и которые, в том числе и в финансовом отношении, всегда представляют собой кризисы тех или иных старых методов, проявляется вся плодотворность этой точки зрения: как в каузальном значении — поскольку процессы в сфере государственных финансов являются важным элементом комплекса причин всякого изменения, — так и в симптоматическом — поскольку все, что происходит, накладывает свой отпечаток на финансовое хозяйство. Несмотря на все оговорки, которые всегда можно сделать в таких случаях, здесь, пожалуй, имеет смысл говорить о специфическом фактическом материале, о специфическом круге проблем, специфическом ракурсе рассмотрения, короче, о некоей особенной области: финансовой социологии, от которой многое можно ожидать.

Из этих ракурсов рассмотрения, развитие которых по большей части все еще зависит от воли богов, нас прежде всего интересует один: рассмотрение государства, его сущности, его форм, его судеб с финансовой точки зрения. Результатом этого рассмотрения является выражение «налоговое государство». Тому, что с достаточной ясностью им обозначается, посвящены нижеследующие исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Goldscheid R. Staatssozialismus oder Staatskapitalismus.* Wien: Anzengruber Verlag, 1917. Научное значение этой талантливой книги составляет основополагающая идея социологии финансов, а причиной ее успеха стали практические рекомендации по решению проблемы государственных финансов. Эти практические рекомендации нас здесь не интересуют, хотя кое-что из последнего раздела предлагаемого очерка является их косвенной критикой, впр-

чем, и совпадая с ними в том, что касается разового налога на имущество (значение которого, разумеется, понимается Рудольфом Гольдштейдом и мной совершенно по-разному).

- ² Нередко это недооценивалось. Однако историки часто склонны переоценивать влияние государственной власти на формирование экономики. Никогда национальная экономика и государственный бюджет не образовывали действительно единого «государственного хозяйства», никогда государство не было способно создать на длительный срок нечто такое, чего (пусть, возможно, в большей или меньшей мере) не порождало бы свободное хозяйство. Например, старыми правилами рыночной торговли еще и сегодня объясняется местоположение некоторых промышленных производств. Однако такие случаи в целом представляют собой лишь отклонения от сугубо экономически обусловленных местоположений.
- ³ Тот, кто разбирается в бюджетах и исследовал процессы на международном денежном рынке, мог предвидеть мировую войну по меньшей мере за десять лет до ее начала.

III. Кризис доменного хозяйства на исходе Средневековья

СОВРЕМЕННОЕ налоговое государство, вопрос о «кризисе» которого ставится сегодня, само выросло из кризиса своего предшественника, феодального союза. Оно, как известно, — по крайней мере в Германии и Австрии, материалом которых мы в основном намерены ограничиться, — не является ни непосредственным продолжением, ни воспроизведением в смысле реставрации или «культурного заимствования» античного налогового государства¹, а коренится в весьма своеобразных отношениях между империей и территориальными монархиями в XIV–XVI веках. Историю возникновения налогового государства можно описать в нескольких словах².

Его [это государство] создало веление времени. Монарх XIV–XV веков не был безусловным хозяином земель своей страны, каковым он стал после Тридцатилетней войны. Сословия, прежде всего различные категории дворянства, в меньшей степени духовенство, в еще меньшей степени городское бургерство и в последнюю очередь, особенно в Тироле и Восточной Фрисландии, то, что еще сохранилось от свободного крестьянства, занимали по отношению к монарху прочное положение, обладая собственной властью и собственным правом; положение, которое, по сути, было равноценно его собственному ста-

тусу, основывалось на, по сути, тех же самых санкциях и складывалось, по сути, из тех же самых элементов. Статус монарха также представлял собой сумму герцогских, графских, фогтских, ленных, помещичьих и тому подобных прав, как и положение прочих землевладельцев и обладателей иммунитета. Сюзерен, стало быть, отличался от них только градуально, как *primus inter pares*, и это лишь постепенно затенялось тем фактом, что его феодальная и прочая зависимость от императора и империи все более ослабевала, тогда как основывавшееся на отдельных титулах подчинение ему территориальных сеньоров не только сохранялось, но и усиливалось, выливвшись, наконец, в совокупность суверенных прав — особый «территориальный суверенитет». Этот территориальный суверенитет был одним из зародышей государственной власти³, точно так же, как и положение несуверенных землевладельцев, хотя и в меньшей степени и отчасти в другой сфере.

Монарх уже тогда усвоил замашки и фразеологию государственной власти, опираясь на логику фактов и вдохновляясь воззрениями, основанными на римских образцах. Наконец, в нем еще оставалось что-то от статуи прежних времен, от сменяемого имперского сановника Каролингов и Оттонов (Людольфингов)⁴, получавшего от них этот территориальный суверенитет, притом что он еще не был государственной властью. Ведь он основывался не на общегосударственном суверенитете, представителем или персонификацией которого мог бы ощущать себя монарх и из санкции которого выводились бы права прочих, противостоящих ему на этой территории сил. Этой суммой прав и властных полномочий монарх обладал для собственной пользы, так что его фразеология по поводу общественного блага и тогда, и еще много позднее имела приблизительно такой же смысл, как и сентенции какого-нибудь сегодняшнего фабриканта. Поэтому естественно-правовое различие между *persona publica* мо-

нарха и его *persona privata* тогда еще не только не было известно вследствие недостатка юридического или социологического анализа⁵, но и отсутствовало по существу и попросту не имело бы смысла. Ведь монарх тогда еще не рассматривал свою территорию так, как современный помещик рассматривает свой скотный двор. Это произошло позднее. Пожалуй, он рассматривал ее так же, как сумму своих прав — как *patrimonium*, которым он мог распоряжаться, не заботясь ни о ком другом.

И не только он рассматривал подобным образом свои привилегии, но и все остальные люди, прежде всего прочие «владетельные сеньоры» страны, мнение которых только и имело значение. Несомненно, они выражали определенную точку зрения на то, как монарх использует свои права. Однако они делали это в том же самом смысле, в каком сегодня заинтересованные лица из любой отрасли и любой сферы деятельности высказывают мнение по поводу, например, злоупотребления правом или антисоциального поведения какого-нибудь землевладельца или фабриканта. Нам это кажется странным. Однако зря. Ведь рассуждения с точки зрения общего блага, о котором мы сегодня так печемся, в то время были невозможны, поскольку никто его не отстаивал, — ведь оно не основывалось ни на какой социальной силе.

Разумеется, многие из этих монарших прав и тогда служили потребностям социальной общности: прежде всего право осуществлять судопроизводство. Однако это еще не делало его чем-то «публичным» или «государственным»: обувь также нужна социальной общности, но производство обуви вовсе не обязательно является публичным делом, хотя и может быть таковым. Вообще нет ничего, что не может быть «публичным» или «государственным» делом, если уже имеется государство, и ничего, что обязательно должно входить в сферу «публичного» или «государственного» в том смысле, что в ином

случае мы не могли бы говорить о государстве⁶. Пока государства как особой реальной власти не существует, различие публичного и частного права вообще не имеет смысла. Утверждение, что в Средние века публичное право включало в себя частноправовые моменты или что тогда вообще имелось только частное право, представляет собой такую же недопустимую проекцию *нашего* образа мышления на прошлое, как и противоположное утверждение⁷. Понятие государства неприменимо к тогдашним обстоятельствам, но не из-за отсутствия того, что мы сегодня усматриваем в сфере государственности, и сохранения только приватной сферы, а потому, что организационные формы обеих сфер (как то, что мы сегодня причисляем к публичной, так и то, что мы относим к частной сфере) сливаются в некоем иначе организованном единстве.

Для хозяйства территориального монарха это означало, что он должен был сам оплачивать все расходы на политику, которая еще не была государственной политикой, а являлась его личным делом: например, покрывать издержки войн со «своими» врагами, если только в силу специфики титула — обязанности вассалов нести военную службу — у него не было права взимать необходимые для этого повинности. Государственная власть в столь же малой степени была источником средств, находившихся для этого в его распоряжении, сколь и его суверенитета, — если последний был суммой различных прав, то и они представляли собой сумму доходов весьма различной природы. Самыми важными были поступления из его собственных земельных владений, то есть взносы (с XIII века главным образом выражавшиеся в денежной ренте) его «подданных», крепостных крестьян, чьим сеньором он был. Вплоть до XVI–XVII веков в этих взносах видели основу финансового хозяйства монарха, а в реформе управления доменом, которая проводилась повсюду в период между XIII и XVI веками, — ядро «финансовой

проблемы» эпохи. К ним добавлялись различные полезные права, регалии на чеканку монеты, содержание рынков, таможен, рудников, защиту евреев и, наконец, доходы от судопроизводства, городов и сельских имений. Кроме этого, имелись традиционные дары от ленников, вызывавшие множество споров церковные льготы, но никакого всеобщего требования выплаты «налогов». Исключение составляли разве что города. Ведь, хотя еще не было идеи государства, они уже знали «идею города», а ее развитие как в этом, так и в других пунктах предвосхитило те явления, которые распространились на всю страну лишь намного позднее. В остальном ни свободные люди, ни даже зависимые дворяне никаких налогов не платили⁸.

В течение XIV–XV веков финансовое положение монарха становилось все более затруднительным, что странным образом противоречило улучшению его положения во всех прочих отношениях — как по отношению к империи, так и по отношению к прочим влиятельным силам на территориях — и зачастую приводило к трагикомическим ситуациям. На рубеже XV–XVI веков, а в некоторых случаях уже в XIV столетии положение становится совсем невыносимым — наступает кризис финансового хозяйства. Рассмотрим подробнее положение дел в Австрии («пяти землях Нижней Австрии» в тогдашней терминологии). Непосредственной причиной того, что монарх оказался в долгах и в конечном счете не мог более занимать деньги, было то, что он плохо хозяйствовал — нерационально управлял своим доменом. Если бы дело было только в этом, то мы, пожалуй, говорили бы о кризисе хозяйства конкретного монарха, но не о кризисе данной финансовой системы вообще. Любая финансовая система может при определенных обстоятельствах потерпеть крах. Это еще отнюдь не означает краха ее *принципа*: пока причина остается акцидентальной, то есть не вытекает из внутренней необходимости системы, и пока внутри системы мо-

жет быть найдено спасительное средство, то есть в данном случае лучшая экономика, крах интересен разве что для историка, но не для социолога. Он не позволяет судить о каком-либо более глубинном процессе социальной трансформации: потерпевшее крах хозяйство тем или иным образом ликвидируется, а затем хозяйствование продолжает осуществляться тем же самым способом, что и прежде⁹. Это важно для определения понятия того, что мы понимаем под «кризисом» — в том числе и кризисом налогового государства.

Гораздо интереснее другая причина затруднений монархов: то, что обычно историки называют придворным расточительством. Именно содержание всех дворян на службе у монарха делало двор таким дорогим. И эти расходы не были случайными или необязательными: ведь хорошо оплачиваемая придворная служба превращала строптивую сельскую знать в лояльную придворную, чиновную и военную аристократию, и если монарх хотел контролировать ситуацию, то он вынужден был предоставить дворянам такую придворную службу, поскольку узы вассальных отношений начинали ослабевать. Но средств монарха, не рассчитанных на такие траты, для этого было недостаточно. Здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, и с *фактором*, и с *симптомом* процесса социальных преобразований, а с другой стороны, с «принципиально интересной» причиной расстройства финансового хозяйства монархов.

Но самой важной причиной финансовых затруднений были растущие расходы на ведение войн. Появление наемных армий (которое поставило монархов в ситуацию аналогичную той, в которой в наши дни оказались аристократические домохозяйства, когда им пришлось платить каждому слуге заработную плату, определяемую индустриальным рынком труда), разумеется, не было следствием изобретения оружейного пороха, как об этом с

невольным юмором рассказывает гимназический учебник. В конечном счете призывное феодальное войско могло бы с тем же успехом научиться использованию огнестрельного оружия. А завербованный наемник еще долго атаковал врага на своем коне, как это делал бы и дворянин. Однако дворянскому поместному войску в первую очередь недоставало численности, особенно по сравнению с армиями турок. Кроме того, дворянское войско все больше сопротивлялось выполнению своего долга и все чаще оказывалось несостоятельным перед лицом врага. В конце концов монарх понимал, что ничего не может с этим поделать, и в XVI веке использовал свое право призыва на воинскую службу только для ослабления непокорных сословий. Почему это произошло? Просто потому, что жизнь разрушила феодальную организацию, поскольку, после того как лены давным-давно стали де-факто наследственными, вассалы стали ощущать себя независимыми хозяевами своей земли, психологически освободившись от ленного союза, жизненной стихией которого была постоянная борьба, непрерывные завоевания, рыцарская жизнь в раннесредневековом смысле этого выражения¹⁰. Это одна из форм того процесса, который я в своих частных целях называю «патримониализацией личности». И выражением этого процесса были наемные армии и вызываемые ими финансовые потребности, затем, в свою очередь, становившиеся движущей силой дальнейшего развития. Например, на рубеже XV–XVI веков обычный доход Кёльнского курфюршества составлял 110 тыс. рейнских гульденов, Майнцского — 80 тыс., Трирского — 60 тыс., Бранденбурга — 40 тыс. Их всех намного превосходил Габсбургский дом, который только из своих коренных территорий извлекал 300 тыс. гульденов. Однако даже этой суммы хватило бы лишь на содержание 6 тыс. пехотинцев или 2,5 тыс. «подготовленных к бою лошадей» в течение года. И с этими 6 тыс. пехотинцев и 2,5 тыс. всадников монарх должен был проти-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru